

УДК 811.161.1

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ, ЛЕКСИЧЕСКИХ И СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ОДУШЕВЛЁННОСТИ-НЕОДУШЕВЛЁННОСТИ

Клобуков Е.В., Шакар Р.

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, г. Москва, Ленинские горы, 1, Российская Федерация*

Аннотация. В статье обсуждаются проблемы выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости морфологическими, лексическими и словообразовательными средствами, предпринимается опыт моделирования структуры словообразовательного сегмента функционально-семантического поля (ФСП) одушевлённости-неодушевлённости в современном русском языке. В центре данного сегмента анализируемого ФСП – субстантивные словообразовательные типы, маркированные по одушевлённости-неодушевлённости, периферию сегмента формируют аналогичным образом маркированные словообразовательные типы признаков слов – прилагательных и глаголов.

Ключевые слова: одушевлённость-неодушевлённость, взаимодействие морфологии, лексики и словообразования.

INTERACTION OF MORPHOLOGICAL, LEXICAL AND WORD-FORMATION MEANS OF EXPRESSION OF ANIMATENESS-INANIMATENESS

E. Klobukov, R. Şakar

*Lomonosov Moscow State University
1, Leninskie gory, Russian Federation, 119991*

Abstract. The article discusses the problem of expression of semantic category of animateness-inanimateness with morphological, lexical and word-formation means, it experiments with modeling the structure word-formation segment of functional-semantic field of animateness-inanimateness in the modern Russian language. In the center of this segment of the analyzed functional-semantic field there are substantive word-formation types, marked by animateness-inanimateness. The periphery of segment is formed in a similar manner by marked word-formation attributive types of words - adjectives and verbs.

Key words: animateness-inanimateness, the interaction of morphology, vocabulary and word-formation.

Взаимодействие различных языковых средств выражения одной и той же семантической категории активно изучается современной лингвистикой. Понятие языкового поля как совокупности языковых единиц, объединённых

общностью содержания [1, с. 381], стало одним из ключевых понятий теории функциональной грамматики, которая начиная с 60-х – 70-х гг. XX века получила развитие в трудах А.В. Бондарко и многих других учёных. При таком подходе к языку функционально-семантическое поле (ФСП), понимаемое как «базирующаяся на определённой семантической категории группировка грамматических и «строєвых» лексических единиц, а также различных комбинированных (лексико-синтаксических и т. п.) средств данного языка, взаимодействующих на основе общности семантических функций» [2, с. 11], выступает основной единицей классификации языкового материала.

В изданном в 1987–1996 гг. под редакцией А.В. Бондарко коллективном шеститомном труде, посвящённом функционально-грамматическому описанию русского языка, под указанным углом зрения был детально рассмотрен целый ряд ФСП (аспектуальность, темпоральность, модальность и др.; принципы классификации ФСП представлены во вступительном томе указанного исследования [2, с. 31-36]). В числе этих ФСП не оказалось поля, образуемого языковыми средствами, объединёнными семантической категорией одушевлённости-неодушевлённости, и это при том, что данная категория относится к числу универсальных языковых категорий [3, с. 40], так как различие живых существ и иных видов субстанций «человек не может не отразить в том языке, на котором он говорит» [там же, с. 36].

В исследованиях по русскому языку, который в отличие от многих языков мира располагает особой субстантивной морфологической категорией

одушевлённости-неодушевлённости [4, с. 73-75], обычно анализируются лишь грамматические средства выражения различий имён по признаку отношения к семантическому признаку 'живое существо'. Морфологическая категория одушевлённости-неодушевлённости, выражаемая окончаниями винительного падежа как существительных, так и согласуемых с ними атрибутивных форм (*вижу знакомых дикторов* vs. *вижу знакомые дома*), представлена двумя граммами [5, с. 437]. Одна из этих граммем связана с морфологической маркировкой названий любых видов живых существ, т. е. субстанций «рождающихся и умирающих» [3, с. 36], способных осуществлять целеполагание, осознанное движение и контроль своих действия и ситуации в целом [6, с. 711; 7, с. 39-41; 8, с. 17-62; 9, с. 175-323]: *человек, доктор, невеста, лев, синица* и т. п. Другая грамма данной категории предназначена для обозначения всех иных видов предметов, а также собирательных совокупностей предметов, веществ и отвлечённых понятий: *дом, дерево, язык, детвора, золото, абстракция*.

В системе морфологических категорий русского существительного категория одушевлённости-неодушевлённости занимает в содержательном отношении доминирующее положение по отношению к другой классифицирующей категории – грамматическому роду: различие концептов 'мужское' и 'женское' возможно в условиях стандартной коммуникации только в рамках класса одушевлённых предметов (лиц и животных).

Морфологический аспект выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости

подробно описан в исследованиях по грамматике русского слова [4, с. 62-82; 5, с. 436-439; 10, с. 462-465]. К излагаемой в данных исследованиях информации можно лишь добавить, что не только форма винительного падежа способна информировать об одушевлённости или неодушевлённости существительного. Так, грамматическое значение одушевлённости несовместимо с образованием от данного имени некоторых «дополнительных» падежных форм, например партитива (*чашка чаю, много шума*) и 2-го счётного падежа (*пять ватт, 220 вольт*) [5, с. 451-452], а грамматическое значение неодушевлённости существительного невозможно, если данное существительное допускает форму «включительного» падежа (*пойти в солдаты, избрать в депутаты*) [4, с. 50-52].

Для дальнейших рассуждений важно подчеркнуть, что на уровне морфологии семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости представляет собой инвариант (по определению А.В. Бондарко, «семантическую константу» [2, с. 28]), который реализуется в двух вариантах (субкатегориях), маркированных на уровне слова указанными выше граммемами, без дальнейшего дробления каждой из субкатегорий на «дальнейшие подсистемы содержательной вариативности» [там же].

Но семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости может быть выражена не только морфологическими средствами. Слово, как было показано А.И. Смирницким, представляет собой единство «лексического» и «грамматического» [11, с. 11-15], и основа слова, как средство выражения лексического значения

слова, весьма активно используется для реализации семантической категории, обсуждаемой в данной статье.

Рассмотрим один небольшой отрывок из миниатюры М. Жванецкого «Посидим».

Пойдите перед вечером в городской сад. Там возле веранды есть скамейка. На скамейке вы увидите человека в чёрном пальто. Это я. Я там сижу до восьми. Потом меня можно видеть на углу возле кафе и идущим к бульвару.

Хорошо со мной говорить между шестью и семью вечера. Лучшие всего о видах на урожай, о литературе, о знакомых. О женщинах со мной можно говорить всегда. Причём, если этот человек, то есть я, будет оглядываться на проходящих красавиц, не обижайтесь и не перебивайте. Это лишнее подтверждение моего интереса к этой проблеме (Михаил Жванецкий. Собрание произведений в четырёх томах. Том 2: Семидесятые. М.: Время, 2001. С. 166-167).

В этом текстовом фрагменте использована 21 субстантивная словоформа (проблема реализации категории одушевлённости-неодушевлённости местоименных существительных типа я, вы в рамках данной статьи не рассматривается). 16 из субстантивных словоформ, соотносящихся к лексемам *вечер, сад, веранда* и т. п. (они выделены в тексте подчёркиванием), не предназначены для выражения семантики одушевлённости, т. е. значение 'живое существо' не является ключевой семой их лексического значения.

Напротив, пять словоформ (они выделены полужирным шрифтом и подчёркиванием), соотносимых с лексемами *человек, знакомый* (субстантиват), *женщина, красавица*, самой своей

основой выражают семантику одушевлённости, которая определяет всю структуру их лексического значения. Это совершенно очевидно для всех значений лексемы *человек*, например для её прямого номинативного значения: 'живое существо, обладающее мышлением, речью, способностью создавать орудия и пользоваться ими в процессе общественного труда' [12]. Но так же очевидно это и для семантики других лексем рассматриваемого типа, являющихся непосредственными (*знакомый, женщина*) или же опосредованными (*красавица* и т. п.) гипонимами по отношению к гиперониму *человек*: *знакомый* – это 'человек, который состоит в знакомстве с кем-л.', *женщина* – это 'лицо (= человек) женского пола' и т. п.

В отличие от морфологической реализации семантической категории одушевлённости-неодушевлённости, на уровне лексической системы данная семантическая категория обычно не доминирует в таксономических схемах. В «Русском семантическом словаре» [13, с. 52-54] семантика одушевлённости подчинена смысловому противопоставлению: 'имена предметов' vs. 'непредметные имена', будучи включённой в рамках обозначения предметных имён в оппозицию 'живое' vs. 'неживое'. Живое – это люди (*красавец, неженка*) и антропоморфные существа (*леший, гурия*), животные (*слон, цапля*), а также растения (*пихта, дуб*) и другие растительные организмы (*рыжик*). В рамках такого подхода 'одушевлённость' – это разновидность 'живого' (характеризует лексическое значение названий живые существа), а 'неодушевлённость' выражена существительными, находящимися на разных уровнях указанной классификации: это не только назва-

ния растений из рубрики 'всё живое' и группа противопоставленных живому собственно предметных имён (*камень, журнал*), но также все группы непредметных имён типа *изучение, скорость* и пр. (более высокий таксономический уровень).

Необходимо также отметить, что в тексте семантическая категория одушевлённости-неодушевлённости реализуется значительно чаще именно на лексическом уровне, а не на уровне морфологических характеристик слова. В приведённом выше текстовом фрагменте *любая* из 21 субстантивной словоформы информирует благодаря своему лексическому значению или об одушевлённости (*человек; женщина* и т. п.), или о неодушевлённости (*веранды, скамейка; пальто* и др.) существительного. И только четыре субстантивные словоформы информируют об одушевлённости или неодушевлённости лексемы своими падежными окончаниями: *увидите человека; оглядываться на красавиц* (В. п. = Р. п.); *в сад; о видах на урожай* (В. п. = И. п.). При этом семантика одушевлённости или неодушевлённости параллельно выражается у тех же словоформ и лексическими средствами – основой слова. Всё сказанное свидетельствует о том, что теория функциональной грамматики конца прошлого века, подчёркивая второстепенность лексических средств в рамках ФСП по сравнению с грамматическими [2, с. 6-12 и др.], недооценивала роль лексических компонентов в организации дискурса; см. подробнее [14].

Но есть и словообразовательный аспект рассматриваемой нами проблемы соотношения разноуровневых средств выражения одной и той же

семантической категории. Благодаря исследованиям Г.О. Винокура, В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Е.А. Земской, В.В. Лопатина, И.С. Улуханова, А.Н. Тихонова и других учёных стало ясно, что дихотомия «лексическое» ↔ «грамматическое» на уровне слова должна быть заменена противопоставлением и взаимодействием трёх аспектов формально-семантической организации слова: лексического, грамматического и словообразовательного, см. подробнее [15, с. 44-51].

В приведённом выше кратком текстовом фрагменте мы находим несколько примеров использования деривационных средств в целях выражения семантики одушевлённости-неодушевлённости. Так, лексема *урожай* (образованная от глагола *уродиться*), включает словообразовательный суффикс *-aj₂-*, который характерен для образования только неодушевлённых существительных, обозначающих «явление, характеризующееся действием, названным мотивирующим глаголом» [16, с. 37]. С выражением значения неодушевлённости связана и словообразовательная структура существительного *подтверждение*, так как при помощи суффикса *-ниj-/-ениj-* образуются отглагольные существительные лишь со значением отвлечённого процессуального признака [там же, с. 291]. Что касается существительного *красавица*, то в нём обнаруживается суффикс *-иц₃-*, который выделяется только «в именах существительных женского пола со значением лица», т. е. заведомо одушевлённых, образованных от названий лиц мужского пола с суффиксом *-ец-* [там же, с. 217].

Как и в случаях параллельного выражения значения одушевлённости-

неодушевлённости одновременно лексическими и морфологическими средствами слова, во всех указанных примерах мы можем обнаружить дублирующее выражение значений одушевлённости или неодушевлённости одновременно и на лексическом, и на словообразовательном уровнях устройства слова.

С точки зрения словообразования анализируемые нами значения одушевлённости и неодушевлённости участвуют в формировании деривационного значения производного слова. При этом нужно отметить, что эти деривационные значения весьма существенны для структурирования общего лексического значения слова. Словообразовательная структура позволяет эксплицировать те компоненты лексического значения дериватов типа *подтверждение*, *красавица*, которые в имплицитном виде представлены в непродуцированных словах типа *гам*, *леди*. В целом можно сказать, что словообразовательные и лексические средства выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости более тесно связаны друг с другом, чем лексические и грамматические средства (которые, дублируя друг друга семантически, представлены совершенно разными компонентами структуры слова – соответственно его основой и словоизменительным формантом).

Всё сказанное ранее о системе взаимосвязанных разноуровневых (лексических, словообразовательных и морфологических) средств выражения рассматриваемой в данной статье семантической категории позволяет сделать вывод об обоснованности утверждения А.Г. Нарушевича и А.П. Володина о существовании в русском

языке особого языкового поля (ФСП) одушевлённости-неодушевлённости [3; 17].

Как нам представляется, перспективным направлением дальнейшего совершенствования теории ФСП является более глубокое изучение тех уровней языка, которые в функционально-грамматических исследованиях А.В. Бондарко и его последователей не учитывались в полной мере. Уже отмечалось, что при описании почти всех ФСП совершенно недостаточно представлены словообразовательные средства языка [18, с. 62-82]. Это касается и нового по сравнению с перечнем ФСП, предложенным А.В. Бондарко, языкового поля одушевлённости-неодушевлённости: ни А.Г. Нарушевич, ни А.П. Володин не затрагивают вопрос о словообразовательном компоненте данного ФСП.

Между тем, как свидетельствуют результаты исследования языкового материала, существует разветвлённая система деривационных средств, которая специализируется на выражении в русском языке значения одушевлённости-неодушевлённости. Первым обратил на это внимание В.В. Виноградов, предпринявший в словообразовательном разделе 1-го тома академической «Граматики русского языка» (1952, переизд. 1960) [19] попытку разграничения и детального описания целого ряда словообразовательных категорий¹ суффиксальной деривации, не-

¹ Заметим, что в академической грамматике как издании, написанном для широкого круга читателей, В.В. Виноградов не использует введенный им термин «словообразовательная категория» [20, с. 186]. Между тем установленные им в [19] ономазиологические группировки словообразовательных типов вполне соответствуют современному пониманию словоо-

посредственно связанных с отображением в структуре субстантивного деривата отношения его значения к семе 'живое существо'.

Так, с выражением деривационными средствами значения неодушевлённости связаны пять словообразовательных категорий: названия лиц мужского пола (*ткач, интриган, туляк, борец*); названия лиц с добавочным значением невзрослости (*мальш, аранчонок*), названия лиц, применимые к лицам как мужского, так и женского пола (*кривляка, зубрила, выскочка*), названия лиц женского пола (*мастерица, докладчица, акушерка*), названия животных (*грызун, зайчиха*) [19, с. 210-234]. Для неодушевлённых дериватов были выделены словообразовательные категории: обозначений предметов (*пятак, колун, умывальник*), отвлечённых понятий (*глухота, белизна, издевательство, влечение*) и некот. др. [19, с. 235-275].

Значения одушевлённости и неодушевлённости (каждое из которых выражено целым конгломератом словообразовательных категорий), как видно из приведённых примеров, являются существенными компонентами словообразовательного значения субстантивных дериватов, обычно представляя собой план содержания словообразовательного форманта (*умн-ик 'лицо'*).

Предложенный В.В. Виноградовым категориальный подход к описанию словообразовательного материала получил развитие, в частности, в

бразовательной категории как «совокупности словообразовательных типов, объединяемых общностью деривационного значения в отвлечении от формальных средств выражения данного значения» [21, с. 391].

академической «Русской грамматике» 1980 г. (переизд. в 1982 и 2005 гг.) [10]. В соответствующем разделе грамматики (авторы В.В. Лопатин и И.С. Улуханов) выделен и детально описан целый ряд словообразовательных категорий, каждая из которых объединяет формальные типы образования дериватов с одним и тем же словообразовательным значением, например все типы отглагольных существительных со значением ‘носитель процессуального признака’: *курильщик, скиталец, забывака, купальня, название, маринад* [10, с. 142-157], типы отсубстантивных существительных со значением невзрослости: *волчонок, ужоньш, барчук* [10, с. 203-204] и др.

Однако особенностью данного описания является отказ от виноградовского различения словообразовательных категорий, связанных с деривацией одушевлённых существительных (названий лиц и животных) и неодушевлённых существительных (обозначений предметов, веществ, отвлечённых понятий). Так, в рамках представленной выше словообразовательной категории ‘носитель процессуального признака’ представлены и одушевлённые, и неодушевлённые имена, ср. *скиталец* и *купальня*. Поэтому содержащийся в словообразовательном разделе грамматики [10] богатейший языковой материал требует специального рассмотрения с точки зрения выражения дериватами семантики одушевлённости-неодушевлённости.

Анализ показывает, что все словообразовательные типы субстантивных дериватов можно разбить на три группы: типы, специализирующие на образовании соответственно одушев-

лённых существительных, неодушевлённых существительных и, наконец, тех и других.

Так, в сфере отглагольной деривации существительных разграничиваются 27 словообразовательных типов образования одушевлённых имён – с суффиксами *-льщик* (*рисовальщик*), *-лец* (*владелец*), *-арь* (*звонарь*), *-ак(а)* (*гуляка*), *-ул(я)* (*игруля*), *-аль* (*каталь*), *-х(а)* (*растеряха*), *-еј* (*ворожея*), *-ух* (уст. *питух*), *-атай* (*ходатай*), *-ат(ый)* (*проводатый*), *-с(а)* (*крикса*), *-ц(а)* (*убийца*), *-ар* (*дояр*), *-аш* (*торгаш*), *-ырь* (*пастырь*), *-ч(ий)* (*доезжачий*), *-ир* (*командир*), *-ј(а)* (*судья*), *-ык(а)* (*владыка*), *-ит(а)* (*волокита*), *-уй* (*обалдуй*), *-уг(а)* (*хануга*), *-ыз(а)* (*торопыга*), *-ён(а)* (*гулёна*), *-аг(а)* (*летяга* ‘животное из отряда грызунов, похожее на белку, у которого передние ноги соединены с задними широкой летательной перепонкой’ [12]), а также один тип с нулевым словообразовательным суффиксом: *-Ш(а)* (*обжора*) [10, с. 144-152, 222].

Другие отглагольные словообразовательные типы (их ещё больше – в общей сложности 78) используются для образования только неодушевлённых существительных. Таковы, например, семантические возможности словообразовательных суффиксов, характеризующих типы со следующими деривационными значениями:

1) ‘носитель процессуального признака’: *-льн(я)* (*курильня*), *-ищ(е)* (*хранилище*), *-ј(е)* (*гнездовье*), *-ин(а)* (*морицина*), *-ив(о)* (*сочиво*), *-ённость* (*сговорённость*), *-н’ј(е)* (*кушанье*), *-н(я)* (*квашня*), *-нь* (*ткань*), *-тельниц(а)* (*полоскательница*), *-ль* (*быль*), *-ад* (*рафинад*), *-льцин(а)* (*бывальщина*), *-ень* (*ступень*), *-ель* (*купель*), *-льц(е)* (*щу-*

пальце), -л(а) (метла), -аж (фиксаж), -итур(а) (политур), -ёж (чертёж), -сн(я) и -снь (песня, песнь); некоторые из суффиксов используются при образовании имён *pluralia tantum*: -к(и) (выжимки), -ин(ы) (октябрины), -ц(ы) (щипцы), -ел(и) (качели), -ул(и) (ходули), -аш(и) (разг. бегашаи 'коньки для скоростного бега'); ср. также ряд типов с нулевым словообразовательным аффиксом: -Ш(ш) ж.р. (кладь), -Ш(а) (помета), -Ш(о) (селó), -Ш(ы) (оковы) [10, с. 142–156, 218–223];

2) 'отвлечённый процессуальный признак': -ациј- (провокация), -б(а) (стрельба), -ч(а) (дача 'вручение'), -ниј- (наказание), -ств(о) (доказательство), -н(я) (грызня), -аж (хронометраж), -ёж (грабёж), -ок (скачок), -изм (отзовизм), -от (топот), -ух(а) (показуха), -он (выпивон), -от(а) (потягота), -ость (жалость), -ур(а) (редактура), -иц(е) (позорище), -ель (гибель), -иц(а) (разладица), -ень (оползень), -отк(а) (чесотка), -знь (болезнь), -тв(а) (молитва), -ад(а) (блокада), ант (диктант), -анс (конференс), инг (тренинг), -ц(а) (трусца), -ушк(а) (постирушка), -овь (любовь), -еј- (толчая), -изн(а) (укоризна), -н(и) (рассказни), -чин(а) (складчина) -ш(а) (вскрыша), -арий (комментарий), -ик(а) (полемика), -истик(а) (шагистика), -к(и) (погляделки), -мент(ы) (аплодисменты), -Ш(ш) м.р. (розыск), -Ш(ш) ж.р. (дрожь), -Ш(а) (замена), -Ш(ы) (пересуды) и некот. др. [10, с. 157–166, 220–222].

Наконец, есть 26 отглагольных субстантивных словообразовательных типов, в рамках которых образуются как одушевлённые, так и неодушевлённые субстантивные дериваты: -ник (заточник 'рабочий, занимающийся заточкой чего-л.' и зимовник 'зимнее

помещение для животных, проводящих лето на пастбище'), -лк(а) (гадалка и молотилка), -ух(а) (стрекотуха и развалюха), -ниц(а) (возница и гостиница), -ень (сидень и плетень), -тель (преследователь и указатель), -щик (лётчик и счётчик), -льник (молчальник и будильник), -ач (пугач и ткач), -ер (интервьюер и тралер), -ат (делегат и экспонат), -ец (поставец и провидец), -ак (вожак и стояк), -ун (пискун 'человек с пискливым голосом' и шатун 'деталь машины, механизма, соединяющая поршень с валом двигателя' [12]), -атор (компилятор и акклиматизатор), -ыш (оборвыш и поскребыш), -Ш(ш) (сторож, вар) и др. [10, с. 143–154, 220–221].

Рассмотрение даже одного только фрагмента системы субстантивного словообразования свидетельствует о том, что в русском языке существует система суффиксальных средств выражения того, как соотносится существительное с семантикой живого существа. Эти средства требуют определения их места в общей системе ФСП одушевлённости-неодушевлённости.

В строении любого ФСП, как показал А.В. Бондарко, есть центр и периферия. Конечно же, словообразовательные средства выражения одушевлённости-неодушевлённости не могут быть отнесены к центру соответствующего ФСП. Это демонстрирует и приведённый ранее текстовый фрагмент, в котором, как было показано, из 21 субстантивной словоформы только 4 обладают словообразовательными маркерами анализируемой нами семантической категории (это соотношение словоформ, содержащих и не содержащих маркированные по признаку одушевлённости-неодушевлён-

ности словообразовательные средства, фактически не меняется при расширении объёма изучаемых текстов).

Центральному сегменту данного ФСП принадлежат, кроме морфологической категории одушевлённости-неодушевлённости, также лексические средства (основы лексем), которые наиболее предсказуемо информируют о том или ином отношении имени к семе 'живое существо'.

Но и не находящиеся в центре ФСП сегменты (в частности, словообразовательный) важны для функционирования языкового поля как целостной системы.

Анализ языкового материала показывает, что характеризуемый в данной статье словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости и сам является достаточно сложным языковым полем (понятие словообразовательного поля введено в [23]). В этом словообразовательном поле выделяются центр и примыкающая к нему периферия.

Центральную часть анализируемого нами словообразовательного сегмента ФСП одушевлённости-неодушевлённости составляют деривационные средства, при помощи которых образуются субстантивные лексемы со значением одушевлённости или неодушевлённости. При этом данные деривационные средства (прежде всего суффиксы, но не только – ср. субстантиват *водяной*) формируют и отглагольные словообразовательные типы (таковы приведённые ранее примеры), и типы отадъективных и отсубстантивных существительных. Ср. отсубстантивные, отглагольные и отадъективные одушевлённые существительные, образованные при помощи суффикса *-ач*:

избач от сущ. *изба*, *трубач* от глагола *трубить* и *лихач* от прилаг. *лихой*).

Словообразовательные суффиксы, которые могут информировать как об одушевлённости, так и о неодушевлённости предмета речи (ср.: *малыш*, *подкидыш* и *мякиш*, *наигрыш*), в словообразовательный сегмент ФСП одушевлённости-неодушевлённости не входят. Для существительных с подобными суффиксами существуют другие средства выражения семантической категории, лежащей в основе анализируемого поля. Это, помимо основ указанных слов, которые, как уже было сказано, однозначно информируют об отношении имени к семе 'живое существо', также морфологические и синтаксические средства. Ср. различные для одушевлённых и неодушевлённых существительных формы Вин.п. ед.ч.: *вижу малыша / мякиш*. Ср. также различные конструкции со значением состояния, в которых возможны только одушевлённые существительные: *Малышу смешно, тепло*, но не **Мякишу смешно, тепло*.

Отдельно необходимо сказать о словообразовательных суффиксах, маркирующих гендерную характеристику живого существа: *пассажир-к(а)*, *повар-их(а)*, *Петров-н(а)*, *поэт-есс(а)* и т. п. Такие модификационные суффиксы присоединяются только к производящим основам, имеющим лексическое значение живого существа, и имеют деривационное значение 'женскость'. Это значение само по себе не включает семантического компонента 'одушевлённость', оно вторично по отношению к семантике лица, выражаемого производящей основой (*повар*, *пассажир* и т. п.). Но сочетаемость подобных суффиксов с производящими

основами однозначно информирует о том, что данные дериваты являются одушевлёнными, в отличие от других (*поварёшка, пассажиропоток*) [22, с. 147, 731]. Поэтому и такие словообразовательные средства, лишь косвенно отображающие семантическую категорию одушевлённости-неодушевлённости, необходимо включать в структуру словообразовательного сегмента анализируемого ФСП. Но место таких средств – не в центральной части этого сегмента, а в пограничной зоне между центром и периферией данного словообразовательного поля.

Что касается периферии рассматриваемой в статье деривационной системы, то она реализуется в словообразовательных типах не субстантивных, а признаковых дериватов (т. е. в типах производных глаголов и прилагательных).

Эти признаковые производные слова благодаря своим деривационным средствам также участвуют в выражении семантики одушевлённости или неодушевлённости предмета, обозначенного тем существительным, которому подчинены данные прилагательные и глаголы.

Так, например, глаголы с суффиксом *-а-*, мотивированные неодушев-

лёнными существительными типа *венчать* ‘совершать церемонию возложения венца на голову монарха’, *пластать, костылять* и т. п., являются одушевлённо-маркированными, так как субъект обозначаемого ими действия – живое существо. Подобным семантическим свойством маркировать именно одушевлённость существительного обладают и отсубстантивные прилагательные с суффиксом *-ат-* (*усатый, горбатый, хвостатый* и т. п. [10, с. 286-287]).

Таким образом, в рамках ФСП одушевлённости-неодушевлённости особое место (не центральное, но, тем не менее, важное для данного поля) занимает словообразовательный сегмент. Система деривационных средств выражения семантической категории одушевлённости-неодушевлённости включает не только субстантивные, но также и глагольные, и адъективные словообразовательные типы. В рамках многих из этих типов, как было показано выше, осуществляется прямое обозначение одушевлённости-неодушевлённости объекта действительности, другие же типы служат для косвенного, но вполне однозначного указания на данные семантические признаки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1991. 685 с.
2. Теория функциональной грамматики: Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис / отв. редактор А.В. Бондарко. Л.: Наука, 1987. 349 с.
3. Володин А.П. О функционально-семантическом поле одушевлённости / неодушевлённости // Исследования по языкознанию: К 70-летию члена-корреспондента РАН Александра Владимировича Бондарко. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001. С. 36-43.
4. Зализняк А.А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. 752 с.
5. Клобуков Е.В. Категория одушевлённости-неодушевлённости // Современный русский литературный язык / под ред. П.А. Леканта. М., 2013. С. 436-439.

6. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 2-е. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
7. Клобуков Е.В. Душа и одушевлённость в контексте современной языковой картины мира // Русистика XXI века: Аспекты исследования языковых единиц и категорий. Мичуринск: МГПИ, 2007. С. 37-42.
8. Ильченко О.С. Одушевлённость-неодушевлённость в структуре предложения. СПб.: Нестор-История, 2011. 148 с.
9. Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. 568 с.
10. Русская грамматика / гл. ред. Н.Ю. Шведова. Т. I. М.: Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2005. 784 с.
11. Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1955. С. 11-53.
12. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с.
13. Русский семантический словарь / под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Азбуковник. Т. I, 1998. 800 с.; Т. II, 2000. 792 с.; Т. III, 2003. 720 с.
14. Шакар Р. К вопросу о соотношении лексического и грамматического сегментов в функционально-семантическом поле // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания: Сборник научных и научно-методических статей. Выпуск 9. М.: МАКС Пресс, 2013. С. 144-154.
15. Милославский И.Г. Лексическое, словообразовательное и грамматическое в словоформе // Филологические науки, 1980, № 1. С. 44-51.
16. Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М.: Русский язык, 1996. 638 с.
17. Нарушевич А.Г. Категория одушевлённости-неодушевлённости в свете теории поля: автореф. ... дис. канд. филол. наук. Таганрог, 1996. 24 с.
18. Кубрякова Е.С., Клобуков Е.В. Теория функциональной грамматики // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 57, № 5. 1998. С. 62-72.
19. Грамматика русского языка. Т. I: Фонетика и морфология. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1960. 719 с.
20. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В.В. Избранные труды: исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 166-220.
21. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. Изд. 3-е, испр. и доп. М.: Азбуковник, 1997. С. 286-441.
22. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. Т. 1. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель, 2003. 860 с.
23. Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. 152 с.

REFERENCES

1. Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary]. M., Sovetskaya entsiklopediya., 685 p.
2. Teoriya funktsional'noi grammatiki: Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovanost'. Taksis [The theory of functional grammar: Introduction. Aspects. Temporal localization. Taxis]. L., Nauka, 1987. 349 p.
3. Volodin A.P. O funktsional'no-semanticheskom pole odushevlenosti / neodushevlenosti

- [About functional-semantic field of animate / inanimate] Issledovaniya po yazykoznaniyu: K 70-letiyu chlena-korrespondenta RAN Aleksandra Vladimirovicha Bondarko. [Research on linguistics: To the 70th anniversary of corresponding member of RAS Alexander V. Bondarko]. SPb., Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2001. pp. 36–43.
4. Zaliznyak A.A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu [“Russian nominal inflection” with application of selected works by the contemporary Russian language and General linguistics]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 752 p.
  5. Klobukov E.V. Kategoriya odushevlenosti/neodushevlenosti [The category of animacy/unanimacy] Sovremennyyi russkii literaturnyyi yazyk [Modern Russian literary language] / Ed. by P.A. Lekant. M., AST-PRESS KNIGA, 2013. pp. 436–439.
  6. Stepanov YU.S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury [Constants: Dictionary of Russian culture]. Ed. 2nd. M., Akademicheskii proekt, 2001. 990 p.
  7. Klobukov E.V. Dusha i odushevlenost' v kontekste sovremennoi yazykovoi kartiny mira [Soul and animacy in the context of modern linguistic picture of the world] Rusistika XXI veka: Aspekty issledovaniya yazykovykh edinit i kategorii [The Philology of the XXI century: Aspects of the study of language units and categories]. Michurinsk, MGPI, 2007. pp. 37–42.
  8. Il'chenko O.S. Odushevlenost'-neodushevlenost' v strukture predlozheniya [Animacy-inanimation in the sentence structure]. SPb., Nestor-Istoriya, 2011. 148 p.
  9. Rusakova M.V. Elementy antropotsentricheskoi grammatiki russkogo yazyka [The anthropocentric elements of Russian grammar]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2013. 568 p.
  10. Russkaya grammatika. T. I. [Russian grammar. Vol. I]. M., In-t russkogo yazyka im. V.V.Vinogradova RAN, 2005. 784 p.
  11. Smirnitiskii A.I. Leksicheskoe i grammaticheskoe v slove [Lexical and grammatical word] // Voprosy grammaticheskogo stroya [Questions of the grammatical structure]. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1955. pp. 11–53.
  12. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big explanatory dictionary of Russian language]. SPb., Norint, 1998. 1536 p.
  13. Russkii semanticheskii slovar' [Russian semantic dictionary]. M., Azbukovnik, 2003.
  14. Shakar R. K voprosu o sootnoshenii leksicheskogo i grammaticheskogo segmentov v funktsional'no-semanticheskom pole [To the question of the relationship between lexical and grammatical segments in the functional-semantic field] // YAzyk, literatura, kul'tura: Aktual'nye problemy izucheniya i prepodavaniya: Sbornik nauchnykh i nauchno-metodicheskikh statei. Vypusk 9 [Language, literature, culture: Actual problems of studying and teaching: Collection of scientific and methodological articles. Issue 9]. M., MAKS Press, 2013. pp. 144–154.
  15. Miloslavskii I.G. Leksicheskoe, slovoobrazovatel'noe i grammaticheskoe v slovoforme [Lexical, derivational, and grammatical word form] // Filologicheskie nauki. 1980. no. 1. pp. 44–51.
  16. Efremova T.F. Tolkovyi slovar' slovoobrazovatel'nykh edinit russkogo yazyka [Dictionary of word-formation units of Russian language]. M., Russkii yazyk, 1996. 638 p.
  17. Narushevich A.G. Kategoriya odushevlenosti-neodushevlenosti v svete teorii polya: avtoref. ... dis. kand. filol. nauk [The category of animacy in the light of field theory: abstr. of PhD thesis in Philology]. Taganrog, 1996. 24 p.
  18. Kubryakova E.S., Klobukov E.V. Teoriya funktsional'noi grammatiki [The theory of functional grammar] // Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka. 1998. Vol. 57. no. 5. pp. 62–72.
  19. Grammatika russkogo yazyka. T. I: Fonetika i morfologiya [Grammar of the Russian language. Vol. I: Phonetics and morphology]. M., Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1960. 719 p.

20. Vinogradov V.V. Slovoobrazovanie v ego otnoshenii k grammatike i leksikologii [Word formation in grammar and lexicology] Vinogradov V.V. Izbrannye trudy: issledovaniya po russkoi grammatike [Vinogradov V.V. Selected works: studies on Russian grammar]. М., Nauka, 1975. pp. 166–220.
21. Zemskaya E.A. Slovoobrazovanie [Word formation] Sovremennyi russkii yazyk [Modern Russian language] / Ed. by V.A. Beloshapkova. Ed. 3rd, rev. & enl. М., Azbukovnik, 1997. pp. 286–441.
22. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyi slovar' russkogo yazyka: v 2 t. T. 1. [Word-formation dictionary of Russian language: in 2 vol-s. Vol. 1.]. 3rd ed., rev. & enl. М., Astrel', 2003. 860 p.
23. Revzina O.G. Struktura slovoobrazovatel'nykh polei v slavyanskikh yazykakh [The structure of the derivation fields in the Slavic languages]. М., Izd-vo Mosk. un-ta, 1969. 152 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клобуков Евгений Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: klobukov@list.ru

Шакар Решат – аспирант кафедры русского языка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

e-mail: resatsakar@hotmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Klobukov Evgeny – doctor of philological sciences, professor of the Department of The Russian Language in Lomonosov Moscow State University;

e-mail: klobukov@list.ru

Reşat Şakar – post-graduate student at the Department of Russian Language in Lomonosov Moscow State University;

e-mail: resatsakar@hotmail.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Клобуков Е.В., Шакар Р. Взаимодействие морфологических, лексических и словообразовательных средств выражения одушевлённости-неодушевлённости // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 3. С. 15-27.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Klobukov E., Şakar R. Interaction of morphological, lexical and word-formation means of expression of animateness-inanimateness // Bulletin of Moscow State Region University. Series: Russian philology. 2016. no. pp. 15-27.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-3-15-27